

# АРКАДИЯ • ПЕРЕКРЕСТКИ



МОНИКА САБОЛО

---

САММЕР



АРКАДИЯ

Санкт-Петербург  
2018

УДК 821.111

ББК 83.3 (7)

C12

Monica Sabolo  
SUMMER

Перевела с французского  
*Валентина Чепига*

Дизайнер обложки  
*Александр Андрейчук*

Художник  
*Светлана Ихсанова*

**Саболо М.**

C12 Саммер : [роман] / Моника Саболо; [пер. с франц. В. Чепига] — СПб. : Аркадия, 2018. — 208 с. — (Серия «Перекрестки»).

ISBN 978-5-906986-23-8

Главного героя психологической драмы французской писательницы Моника Саболо Бенджамена почти четверть века мучают кошмары. Ему снится пропавшая старшая сестра Саммер. Его единственный шанс избавиться от жутких сновидений — понять, что с ней произошло. На самом деле Бенджамен знает причину исчезновения, но она настолько отвратительна и прозаична, что он не готов смириться с этим.

УДК 821.111  
ББК 83.3 (7)

Произведение  
является результатом художественного вымысла.  
Любые совпадения случайны.

© Éditions JC Lattès, 2017

© Издание на русском языке, перевод  
на русский язык, оформление.

ООО «Издательство Аркадия», 2018

ISBN 978-5-906986-23-8

И вот Поэт твердит, что ты при звездах ночью  
Сбираешь свой букет в волнах, как в цветнике.

И что Офелию он увидел воочью

Огромной лилией, плывущей по реке.

*Артур Рембо, «Офелия» (Перевод Б. К. Лившица)*

Мне снится озеро. Летом, когда это произошло, тем самым летом, что осталось в моей памяти куцым набором картинок, четких и ярких, как цветные фотографии, в июле, когда наша жизнь изменилась навсегда, стояла такая жара, что рыбы поднимались из глубин Женевского озера. Сидя на берегу, мы смотрели на темные силуэты — рыбы казались нам задыхающимися чудовищами — и представляли себе их розовые отвратительные глотки.

Целых три с половиной месяца, два раза в неделю, я хожу на консультации к доктору Траубу. Он полагает — с высокой долей вероятности, — что рыбы, которые мне постоянно снятся, символизируют меня самого. Я три месяца подряд смотрю на его лоб в испарине, на залысины... Скоро, года через три-четыре, он совсем облысеет. Доктор Трауб считает, что воздуха не хватает мне.

Это случилось двадцать четыре года и тринадцать дней назад.

Вот уже двадцать четыре года и тринадцать дней, как память моя пуста: несколько вспышек, взрыв, белый, ослепляюще-яркий, и темнота.

*Черные липкие рыбы. Фосфоресцирующие раздавленные папоротники.*

*Волосы подружек моей сестры, свободно спадающие на голые плечи, они качаются в такт движению. Девушки ищут Саммер, выкрикивают ее имя.*

Во сне поверхность озера сверкает, как осколок зеркала или кусок стекла. Кажется, что вода одновременно ледяная и почти кипящая.

Мне хочется нырнуть, посмотреть, что делается там, внизу, но рыбы черны, а растения похожи на скользкие щупальца. На гибкие блестящие нити, колыхающиеся в потоке.

Иногда в глубине я вижу Саммер, она не двигается. Ее глаза широко открыты. Она пытается что-то сказать или, может, просто вздохнуть. Ее волосы шевелятся, кажется, что они живые. Я протягиваю руку, касаюсь пальцами поверхности воды. И понимаю, что это не Саммер, а просто водоросли, которые приняли форму ее тела. А иногда — что это какое-то животное, темной тенью скользнувшее среди камней.

Но я знаю, что моя сестра теперь именно там.

До того дня в июле, когда сестра разрешила мне пойти на пикник на берегу озера — *огромные фосфоресцирующие папоротники, влажные скользкие камни* — с ней и с ее подружками — *каскады распущенных волос, разноцветные бикини, перламутровый лак на ногтях; смесь розового, красного и кораллового крупным планом*, — я как-то не думал о ней. Почти никогда не думал, как бы дико это ни казалось.

Но я ее обожал. Она одна — каноническая красотка с белозубой улыбкой и невероятно светлыми волосами, принцесса, несбыточная мечта всех мальчишек — привлекает внимание на школьных фотографиях. Я же всегда стою где-то сбоку, подальше от всех, и выгляжу как законченный псих.

Моя сестра Саммер появилась на свет в самом начале лета.

Моя сестра Саммер исчезла летом. Через три недели после дня своего рождения. В то лето, когда ей исполнилось девятнадцать лет.

Мама рассказывала, что, когда Саммер родилась, ее волосы — такие светлые! — казались солнечными лучиками. И хотя мама не была особой романтичной и не говорила по-английски, для дочери она выбрала имя черлидера<sup>1</sup>, калифорнийской поп-звезды. Имя, вызывающее в памяти цветущий луг, над которым порхают яркие бабочки. Или сверкающий корвет, режущий бушпритом волны где-то в океане.

Сестра и правда походила на королеву красоты из американского сериала — на одну из тех пышущих здоровьем девчонок с упругими бедрами и невероятно белыми зубами, что смотрят на тебя с экрана с лукавым прищуром в глазах, то ли грустных, то ли злых. Они, мечтая о невозможном, мучают мальчишек, рождая в их сердцах страдание или ненависть, а потом их находят в багажнике джипа где-нибудь в глубине леса.

Но, скорее всего, эти патетические мысли у меня появляются потому, что ее нет. Я никогда не думал ни о чем подобном, пока наша жизнь текла как обычно, и казалось, останется такой навсегда. В те годы она была мне просто старшей сестрой, которую я обожал, — она пила холодное какао из трубочки, красила веки синими тенями. Просто сестрой, из-за которой надо мной издевались возбужденные одноклассники: «Да ладно, это правда, что ли, она — твоя сестра?!», «Эй, Васнер, хочешь сестренку-то свою?», «А тебя точно не усыновили?».

---

<sup>1</sup> Черлидинг — американский вид спорта, который сочетает в себе элементы шоу и зрелищных видов спорта (танцы, гимнастику и акробатику). Черлидер — лидер выступающей группы.

Я — живое доказательство того, что можно жить, утратив тех, кого мы любим больше всего и больше всего боимся потерять, потому что без них просто развалимся на кусочки. Пока они есть, мы верим, что существуем на самом деле или, по крайней мере, что мир не так враждебно настроен к нам. А потом, когда они исчезают, иллюзия рассеивается.

Я совершенно не представляю, где она теперь находится, как не понимаю и того, куда делся тот худой и нервный четырнадцатилетний подросток, каким я тогда был. Может, они сейчас вместе в каком-нибудь параллельном мире, куда можно попасть, пройдя сквозь зеркало или поверхность воды в бассейне.

Ночью из-под воды Саммер говорит со мной. Ее рот открыт, губы трепещут, как у черных рыбин.

*Забери меня, Бенжамен, пожалуйста. Я тут, я прямо тут. Забери меня. Пожалуйста, пожалуйста.*

Плеск воды похож на шепот.

*Я тут.*

Доктор Трауб — он много улыбается, пожалуй, слишком много, и, кажется, все знает, знает, где Саммер — о, эта его улыбка, эти поджатые мясистые губы, а за ними, наверное, все секреты моего существования — доктор Трауб говорит, что это можно понять. Что я так и не сумел справиться с утратой.

Классика, говорит доктор Трауб.

Классика? Раз, и потерять сестру? Она улыбается, бегаёт среди травы ростом почти с нее, а потом все кончено, она не умерла или умерла — никто не знает, уже никто об этом не задумывается, никто не *справился*, просто так случилось. Или это сон, и она просто-напросто исчезла, скрылась за деревом — и все? И так прошло двадцать четыре года и тринадцать дней. Она там, где ветер, деревья, вода. Или где-то еще?

Я соглашаюсь, жду рецепт: пароксетин<sup>2</sup>, 50 мг один раз в день, алпразолам<sup>3</sup>, 4 мг один раз в день, хотя не знаю, что это значит. Смотрю на его волосы, которые кажутся влажными, словно он только что выкупался, и которые выпадают, все больше открывая лоб, и улыбаюсь — это моя вторая натура. Доктор Трауб тоже улыбается, как будто его удовлетворило то, как повернулся наш разговор, как будто все в норме и мы на правильном пути. Господи боже мой.

Доктору Траубу нравится, когда я рассказываю ему свои сны. Он лучше устраивается в кресле и поддакивает. Ему, наверно, кажется, что я у него в руках, что он — хозяин сновидений, властитель ночи, царь глубоких вод, которые поглощают меня, и подводных лесов, что колыхаются у поверхности, словно спутанные волосы.

Но я знаю — доктор Трауб ошибается. Там никто и никогда не был. Даже я, хотя и попадаю иногда в этот мир — меня уносят темные воды, а может, это происходит в космосе: порой летом воздух становится таким плотным, что он выдавливает наши тела в надземное пространство и медленно уносит их, как бы покачивая на лодке, спокойно плывущей по течению, — даже я в этом мире лишь гость. Я просыпаюсь с привкусом металла или тины во рту, и силуэт Саммер исчезает, а вместе с ним и весь мир. Он распадается на миллионы частиц, и те скрывают время, как дождь из пепла затягивает пеленой бездонное небо, они прячут то, что было, и то, что будет, уходят в темноту, становятся пылью в ночи.

---

<sup>2</sup> Пароксетин — антидепрессант с сильным противотревожным действием.

<sup>3</sup> Алпразолам — лекарственное средство, использующееся для лечения панических расстройств и неврозов.

Это началось четыре месяца назад. В начале апреля воздух был таким прозрачным, что казалось, я мог дотронуться до чего угодно прямо из окон моего офиса на восьмом этаже высотки банка в районе О-Вив<sup>4</sup> в Женеве. До фонтана буквально рукой подать — я отчетливо видел детали его трубок, воду, которая мягко пенилась и походила то ли на шампанское, то ли на гигантскую струю спермы. На выходных тут перекрасили стены, и от толстого ковра бежевого цвета шел узнаваемый приторный запах чистящего средства в ярко-синей упаковке, напоминающей о весеннем небе или о гигиеничной смерти. Окна сияли такой чистой, что казалось, их не существует. Пусть мне как-нибудь объяснят невротические мотивы борьбы с грязью, которые движут местными жителями! Можно подумать, что для них сама мысль о распаде, разложении, даже если речь идет всего лишь об отпечатках пальцев, невыносима, угрожающа, как дремучий лес, подходящий к городским воротам, где бродят дикие твари, порожденные самой тьмой.

Комнату наполнял химический аромат, нездоровый и стойкий запах краски. Я смотрел на небо, прозрачное, как сердце какого-нибудь бога, на перегородки моего

---

<sup>4</sup> О-Вив — район в историческом центре Женевы на левом берегу Женевского озера.

кабинета, которые казались сделанными из хрупкого до отвращения материала. Из папье-маше? Из крошек и птичьих косточек? А потом пол заходил ходуном, комната начала крутиться над зеркальной поверхностью озера, и я увидел на мгновение, как в нем отразился весь мир.

Мама идет мимо большой лестницы нашего дома на берегу озера в Бельвию<sup>5</sup>. Запах свежей краски заполняет мне легкие. Этот запах. Он везде, в каждом помещении: в шести спальнях, двух смежных гостиных, на кухне, на двойной монументальной лестнице. Все будет хорошо, говорю я себе и смотрю, как мама улыбается. Папа тоже улыбается, рукава его рубашки закатаны, он машет друзьям, которые подходят к берегу на моторной лодке: красивые молодые женщины в купальниках, мужчины, похожие на папу, сильные, веселые. Один стоит у штурвала, воротник его рубашки расстегнут, он курит сигару. Они причаливают к мостику, что ведет прямо в сад, прыгают на берег, нависающий над небольшой каменной стеной, поросшей черным мхом, который рассыпается в руках. Проходят под металлическими сводами маленького музыкального павильона, где Саммер обожает играть, шепчась сама с собой; в руках у них бутылки вина и банные полотенца, они идут босиком, их волосы влажны от купания.

Папа торжествующе улыбается, гордится своей мужественностью, мама светится от счастья, ее платье почти прозрачное. Рядом Саммер, в шортах и майке, с волосами, забранными в конский хвост на самой макушке, ее волосы струятся по спине, она — нежная копия мамы. Все трое счастливы. Как же я их люблю, господа, сердце мое сжимается, ком в горле, это моя семья... Они прекрасны, куда красивее гостей на лужай-

---

<sup>5</sup> Бельвию — одна из 45 коммун кантона Женева.

ке, хотя приглашенные впечатляют: у девушек длинные гладкие ноги, одежда почти не скрывает их тела, у мужчин расстегнуты рубашки, искрятся бокалы в руках. Длинный стол, установленный в саду под топодем, чьи ветки касаются озерной глади так, что кажется, воду мутит широкая сеть, застелен льняной скатертью. На накрытом столе и в волосах — принесенные ветром крошечные пушинки — семена-парашютики луговых цветов. На маленьком пляже кто-то бросает хлеб уткам, те подплывают и мрачно крикают. Девушки в бикини тоненько вскрикивают в ответ, звучит их притворно-испуганный смех; они стоят босиком на гальке и словно готовятся прикоснуться к неизведанному. Появляется лебедь в маслянистом оперенье, он скользит по воде, уставившись черными глазами на Саммер. Моя сестра делает шаг навстречу ему, за ней следуют молодые женщины со светящейся кожей, но королева этого водного народца — она, и лебедь — ее творение, кажется, он ее слушается. Он поводит гибкой шеей в такт движению узких ладоней Саммер, и она смеется. Ее лицо сияет так, словно на нее направлен свет прожекторов.

Мне семь лет, и я тоже счастлив, хотя ступни мои проваливаются в лужайку, как в мокрый ковер, и эта лужайка — мой заклятый враг. Не только потому, что я уверен — это лишь плывущее по озеру травяное покрывало, которое, не выдержав нашего веса, однажды уйдет из-под ног, и мы провалимся в глубину, а еще и потому, что мама, продолжая весело улыбаться гостям, хмурит брови, заметив, как я испачкался, и закуривает сигарету. На маминых губах теперь другая улыбка — она похожа на влажный воздух, который постепенно проникает под одежду, незаметный, как сквозняк, и пробирается под кожу.

Вот так это началось в начале апреля. И когда доктор Трауб спросил меня, одновременно делая пометки —

у меня всегда складывается впечатление, что он, на самом деле, ничего не записывает или записывает на каком-то несуществующем языке, — не случилось ли тогда что-то, скажем, некое событие, ставшее «отправной точкой», тем, что могло привести к «паническим атакам» — так он называет трещину, что, открываясь внутри меня, заставляет судорожно глотать воздух под грохот обезумевшего сердца, смотреть на темные пятна, что зарождаются во внешних уголках глаз и несутся к небу (летучие мыши? птеродактили?), и испытывать усталость вместе с желанием сбежать, не имея на это сил, — я, ужасаясь идиотизму собственного ответа, просто сказал: «Мой кабинет перекрасили».

Доктор Трауб смерил меня ничего не выражающим взглядом.

Но я был уверен: он знал, кто я такой. Знал мою фамилию: Васнер. Ее слышали все. Всем известно про наши взлет и падение. Мы стали притчей во языцех, мы несем семейную историю как развернутое знамя, похожее на кусок луны дождливой ночью. Но мы стараемся об этом не думать. И не говорить. Мы делаем вид, что не замечаем чужих пытливых глаз, в которых светятся интерес и жалость. На нас смотрят так, словно пытаются что-то прочесть и понять по нашим лицам и походке, часто нарочито расхлябанной. Мы живем как в тумане, возможно, мы и сами сотканы из тумана.

— Воспоминания, связанные с запахами, могут нахлынуть на человека с удивительной силой. Между памятью и запахами существует необъяснимая связь.

Мягкий голос доктора Трауба навевал желание все бросить и нырнуть в горячую ванну.

Но я промолчал.

Образ Саммер колыхался между нами в бледном свете комнаты — волосы, похожи на длинные шелковистые

нити, распущены. Число этих нежнейших нитей с каждым днем росло, и, оплетая нас подобно невидимой паутине, они незаметно поймали нас в свою сеть.

Мы вели невидимую войну на протяжении нескольких недель. Я уставал все больше и больше. Мне пришлось признаться доктору Траубу в том, что, несмотря на прием пароксетина и алпразолама, я больше не могу ходить на работу и не выполняю утренних установок — не дышу, не расслабляюсь, не смеюсь над собой. Чувство, что я погружаюсь в трясины, настигает меня, стоит мне ступить на ковер, который лежит в коридоре, ведущем к моему кабинету, и тогда сердце начинает колотиться, как птичка в клетке, я задыхаюсь. А эта краска! Ее запах проникает всюду, он выпускает наружу влажный туман и погружает все в белую мутную воду, где плавают прозрачные микроорганизмы, нежные, словно кружево.

Постепенно запах краски заполнил здание целиком. С каждым днем он отвоевывал новые территории. В последнее время я начинал его чувствовать, как только входил в центральный холл, сразу за стеклянными дверями, и планктон повисал в пространстве, заслоня лица администраторов и металлические позолоченные буквы настенной вывески нашего банка.

Доктор Трауб никогда не говорил о Саммер. Он не произносил ее имени. Так поступали почти все, кого я встречал на протяжении двадцати четырех лет, — они более или менее талантливо разыгрывали передо мной роли людей безучастных.

Первое время меня удивляло, что никто не говорил о ее исчезновении, хотя цветные фотографии — сестра с забранными волосами, в яркой блузке, лицо окутывает бледное сияние — висели повсюду в городе.казалось, фраза «Пропала девушка», напечатанная непро-

порционально крупными буквами над номером нашего телефона, говорила сама за себя. Такая простая, почти наивная в своей простоте фраза, как будто волноваться не о чем — просто куда-то подевалась легкомысленная соседка по парте, и к этому совершенно нечего добавить. Даже приметы Саммер казались описанием красавицы на каникулах: метр семьдесят один, пятьдесят четыре килограмма, 38-й размер ноги, блондинка, светлая кожа, веснушки на лице и руках; была одета в джинсовые шорты, белую футболку, с собой кожаная плетеная сумка через плечо и наушники; отличительные черты — три родинки на шее в форме треугольника.

Никто, ни одна живая душа не относилась всерьез к нашей потере. Чтобы досконально обследовать местность между домом и лесом, где испарилась моя сестра, привлекли учеников из полицейского колледжа, словно для профессионалов, для взрослых, дело было недостаточно весомым. Когда эти парни с угревой сыпью на раздуряившейся коже, с первым пробивающимся над губой пушком — все они могли бы быть влюблены в Саммер и старались бы привлечь ее внимание нарочито громким смехом на яркой лужайке в каком-нибудь парке или играли бы мускулами, гоня мяч перед зданием университета, — собрались в нашем саду, казалось, их синяя полицейская форма не имеет ничего общего с настоящей, вообще все поиски — понарошку.

Невысокий брюнет в мокрой от пота обтягивающей рубашке-поло дал понюхать собаке топ телесного цвета, принадлежавший сестре, — ткань в его руках казалась куском сорванной кожи — и все выстроились в цепь на дороге и вдоль озера. Я расстроился, разозлился, вышел из себя — мне чудилось, что эти ребята крадут что-то важное у меня...

Они вернулись глубоко вечером — лица пусты, под глазами залегли тени.

Никаких следов. Ничего.